

俄语文学名著丛书

原著 Лермонтов

当代英雄

Герой нашего времени

外语教学与研究出版社

当代英雄

Герой нашего времени

原著：Лермонтов

注释：徐振亚

外语教学与研究出版社

图书在版编目(CIP)数据

当代英雄/(俄)莱蒙托夫著;除振亚注释. —北京:外语教学与研究出版社, 2000

ISBN 7-5600-1878-5

I. 当… II. ①莱… ②徐… III. 俄语-语言读物, 小说
IV. H359.4:I

中国版本图书馆 CIP 数据核字(2000)第 26925 号

出 版 人: 李朋义

责任编辑: 路雪莹

出版发行: 外语教学与研究出版社

社 址: 北京市西三环北路 19 号 (100089)

网 址: <http://www.fltrp.com>

印 刷: 北京京科印刷有限公司

开 本: 787×965 1/32

印 张: 7 625

字 数: 104 千字

版 次: 2000 年 5 月第 1 版 2005 年 7 月第 2 次印刷

印 数: 5001—7000 册

书 号: ISBN 7-5600-1878-5[£]

定 价: 7 90 元

* * *

如有印刷、装订质量问题出版社负责调换

制售盗版必究 举报查实奖励

版权保护办公室举报电话: (010)88817519

作者简介

俄罗斯杰出诗人米哈伊尔·尤里耶维奇·莱蒙托夫(1814—1841)出身贵族家庭,三岁丧母,由外祖母扶养成人。他天资聪颖,自幼通晓德语、法语和英语,颇有绘画、雕塑和音乐才能,就读于莫斯科贵族寄宿中学期间即开始诗歌创作。1830年考入莫斯科大学,中途因参加进步学生运动被勒令退学。1832年转至彼得堡近卫军骑兵团士官学校。1834年毕业后在骠骑兵团服役。军务之暇写成揭露上流社会的诗剧《假面舞会》和充满爱国热情的名篇《波罗金诺》。1837年普希金遇难,莱蒙托夫立即写出了《诗人之死》一诗,愤怒指出杀害普希金的凶手是以沙皇为首的上流社会。这首带有强烈政治色彩的诗篇震撼了俄国文坛,奠定了诗人作为普希金继承者的地位,然而却遭到反动当局的仇视,诗人因此被捕并流放高加索。经外祖母多方奔走,诗人于1838年从流放地调回彼得堡原部队。1840年出版第一部诗集及歌颂叛逆精神的长诗《童僧》。代表其最高成就的社会心理长篇小说《当代英雄》也于同年问世。后诗人因参与决斗再度被流放高加索。1841年初获准回彼得堡休假,完成著名长诗《恶魔》。同年5月在五岳城疗养,来自彼得堡的贵族唆使青年军官马尔蒂诺夫与莱蒙托夫决斗,诗人饮弹身亡,年仅27岁。

内容提要

贵族军官毕巧林聪颖过人，精力充沛，具有不达目的誓不罢休的坚强意志和敏锐的洞察力。他看到现实中最走运的人胸无点墨，他们成功的关键是善于耍手腕，于是他感到失望；他想爱整个世界，可是没有一个人理解他，他便学会了恨；他说实话，别人不相信，于是开始欺骗；他认为自己怀有崇高的使命，却又不知道如何施展自己的抱负，因而感到迷茫。他身上蕴藏着无穷的精力，但不知道向何处发泄，于是玩世不恭，到处寻找刺激，惹是生非，将非凡的才智和旺盛的精力耗费在卑劣的情欲上，不知餍足地啜尝着别人的温情、爱恋、欢乐和痛苦，以此作为维护自尊的养料。在滨海小城塔曼，他无端扰乱了走私贩子的宁静，自己也差点儿葬身海底。在温泉疗养时，他百般挑逗梅林公爵小姐，玩弄她的感情，并与另一追求梅林公爵小姐的军官格鲁什尼茨基发生冲突，在决斗中将他打死；他与维拉关系暧昧，却又不愿结婚，待到维拉离去，他又策马狂追。在高加索，他煞费苦心占据了美丽的契尔克斯少女贝拉，但“野姑娘的淳朴无知也跟贵妇人的卖弄风骚同样使人厌倦”，他的薄情又导致贝拉惨死。他希望车臣人的子弹能驱散他的无聊，可是子弹的噓噓声还不如蚊子的嗡嗡声更引起他的注意，……凡此种种，无不说明他矛盾和复杂的心理。他的自私冷酷给他人造成了巨大不幸，自己也没有得到真正的乐趣，反而加深了他的痛苦和绝望。

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

1840

Во всякой книге преисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь¹; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Вре-

ни; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?...

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества!

Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить—это уж бог знает!

Часть Первая

I БЭЛА

Я ехал на перекладных² из Тифлиса³. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину⁴. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные ку-

пами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва⁵, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана⁶. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цветлица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке

и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь⁷?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улынулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улынулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь? ... Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

—Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче⁸—отвечал он, приосанившись. —Когда он приехал на Линию⁹, я был подпоручиком, —прибавил он, —и при нем получил два чина за дела против горцев.

—А теперь вы?...

—Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?...

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся вниз на долину; но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, и ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

—Ведь этакий народ! —сказал он, —и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом бы-

ло тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины-гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фыркание усталой почтовой тройки¹⁰ и неровное побрякивание русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимающуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию¹¹, кровли

окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою, — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик, — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле¹². Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром

из отверстия в крыше, расстился вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

—Жалкие люди! —сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остолбенении.

—Преглупый народ! —отвечал он.—Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы¹³ или чеченцы¹⁴ хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

—А вы долго были в Чечне?

—Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода,—знаете?

—Слышал.

—Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы! Нынче, слава богу, смирнее; а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди—либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!...

—А, чай, много с вами бывало приключений? —сказал я, подстрекаемый любопытством.

—Как не бывать! бывало. . .

Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался. Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историю—желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям. Между тем чай поспел; я вытащил из чемодана два походные стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет «здравствуйте» (потому что фельдфебель говорит «здравия желаю»). А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

—Не хотите ли подбавить рому? —сказал я моему собеседнику, —у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

—Нет-с, благодарствуйте, не пью.

—Что так?

—Да так. Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фрунт¹⁵ навеселе да уж и досталось нам, как Але-